

Сергей Лукьяненко, Иван Кузнецов

Печать Сумрака

Пролог

– Эй, командир, телефон не нужен?

Алексей с тоской посмотрел на приближающуюся компашку. Он любил ночной город. Неоновые вывески торговых центров, мягкие тени высаженных вдоль тротуара берез, пустынные улицы, избавленные от храпа машин. Даже источаемый асфальтом жар – вечный бич индустриального лета – к полуночи нехотя втягивался в трещины, уползал в решетки водосточков, чтобы вновь обрушиться на горожан, едва всплывет над высотками утреннее солнце.

У ночных прогулок было лишь два недостатка: неизбежно сопровождающий их недо-сып и вот такие компании.

Алексей вздохнул, собирая волю в кулак. Четверо парней и девчонка. На вид лет по двадцать. И откуда они только взялись? Секунду назад улица казалась совершенно пустой, и вдруг на тебе – выросшие как из-под земли молодцы с льнувшей к жожаку девицей.

– Спасибо, не нужен. – Алексей постарался, чтобы голос звучал как можно развязнее. Все пособия по правильному поведению в критических ситуациях утверждали, что главное – это уверенность.

Жожек, курчавый, горбоносый, с прожаренной солнцем кожей и чернильными глазами, ухмыльнулся.

– Так и давай его сюда, – с заметным акцентом потребовал он. Кунаки влюбленного джигита дружно загоготали.

Самое обидное, что Алексей весь вечер поступал правильно. Он допоздна задержался на работе, исправляя ошибки коллеги-раздолбая. Покинув офис последним и проехав полгорода, Алексей не бросил машину у подъезда, как большинство несознательных граждан. Нет, он честно поставил ее на стоянку, обрекая себя на лишние пять минут ходьбы. И вот она – награда. Воистину ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Алексей огляделся в тщетной надежде найти подмогу. Ни души, ни даже отсвета фар крадущейся дворами машины. Бежать? Куда? До стоянки три минуты, до ближайшего магазина «24 часа» и того больше. Догонят, и тогда... Думать о последствиях не хотелось. И в бедного студента не поиграешь, модная борсетка, зажатая в потной ладони, кричала: «Возьми меня, я тут!»

О том, чтобы ввязаться в драку, Алексей даже не думал. Никаких иллюзий по поводу своей физподготовки у него не было. Как добропорядочный офисный работник, Алексей пару раз в месяц посещал спортзал, где с коллегами кидал или пинал мяч. Опыт же уличных боев ограничивался школьными стычками, из которых он далеко не всегда выходил победителем.

Значит, как говорят гламурные бандиты из телесериалов, «придется делиться». Прощай, айфон, на который несколько месяцев откладывались деньги. Прощай, борсетка. Хорошо, что из-за сегодняшнего аврала он не успел снять деньги с карты, а то пришлось бы побираться до следующей зарплаты.

– Нет у меня телефона, – отчаянно буркнул Алексей.

– Так мы сами посмотрим, – дружелюбно сказал жожек. – Алик, посмотри.

Стоявший справа от жожака юнец с ершиком темных волос выступил вперед. Алексей невольно отдернул борсетку, и пальцы Алика поймали лишь воздух.

«Что я делаю? – с ужасом подумал Алексей. – Я же хотел просто отдать им вещи, а теперь...» В том, что «теперь» не избежать, сомнений не оставалось. Алик хищно ощерился, двое подручных вышли из-за спины главаря – видать, тоже рассчитывали урвать каплю Алексеевой крови.

Вожак покачал головой.

– Ай-ай-ай. Сказал, что телефона нет, а посмотреть не даешь. Нехорошо получается.

– Я посмотрю, – мурлыкнула девушка, отлипая от благодушного бойфренда.

Не сводя взгляда с жертвы, она медленно обогнула Алика. Алексей хотел отступить и обнаружил, что не может пошевелиться.

Девушка подошла вплотную. Невысокая, черноволосая, полноватая, с короткой стрижкой, пирсингом на нижней губе и выдающейся грудью. Обстановка не располагала к оценке девичьих прелестей, но Алексей совершенно механически попытался опустить взгляд. И не сумел! Все, что он мог, – смотреть прямо перед собой. В темно-карие, словно замерзшие глаза девушки.

– Ты милый, – прошептала она.

Очерченные темной помадой губы дрогнули, и Алексей почувствовал, что растерянность и страх перерастают в настоящий ужас. Эта совершенно обычная девица пугала его больше всех гопников, вместе взятых.

Легкое мимолетное касание. Губы оказались холодными и сухими, как наждачная бумага.

– Ты милый, – едва слышно повторила девушка. Ее руки обвили шею. Мир вдруг потускнел, сделался блеклым и невыразительным. Стих шелест листьев, четверо гопников застыли в нелепых позах. Осталась лишь льющаяся ниоткуда мягкая музыка и пустые бездонные глаза обнимавшей его девушки.

«Нет! Не хочу! Отпусти!» – силился крикнуть Алексей, но горло не смогло выдавить даже стога.

Он сделал титаническое усилие, и мир потерял последние краски. Волосы шевельнул прохладный бриз, не принеся ни единого запаха. Гопники превратились в прозрачные тени. И без того бледная кожа девушки стала пепельно-серой, губы из прохладных сделались ледяными. Ее рот раскрылся, клыки вытянулись, превратились в тонкие костяные иглы. Мягкая музыка казалась лучшей в мире колыбельной. Серый холодный мир сузился до безжизненных темных глаз.

Алексей почувствовал, как падает в разверзнувшуюся перед ним бездну, но теперь ему было все равно. Уже ничто не имело значения. Ни мимолетное удивление, появившееся во взгляде девушки. Ни сменивший удивление страх. Ни пронизывающий до костей ветер, внезапно ударивший Алексею в спину.

Часть 1

Сумеречный гость

Глава 1

Алексей. Человек

Пробуждение походило на щелчок выключателя. Вот я падаю в пропасть, а вот уже сижу на кровати. Сердце колотится как после стометровки в олимпийском темпе, на лбу выступили капли пота.

Я заставил себя встать, доковылял на негнущихся ногах до кухни, открыл холодильник и не отрываясь выдул пол-литра колы.

За окном занимался рассвет. Часы показывали пять утра. До подъема куча времени, а учитывая вчерашний ударный труд, я имел полное право заявиться в офис часам к десяти. Вчерашний ударный труд...

Я вытер лоб, сунул бутылку в пакет с мусором. Кошмар – мерзкий и липкий, как все кошмары – и не думал тускнеть. Да, на кухне горел свет, теплый паркет, выложенный нерадивым гастарбайтером, поскрипывал при ходьбе, а бегущая из крана вода холодила кожу, но жутковатая картинка из сна по-прежнему стояла перед глазами. Серый мир, безжизненный взгляд, от которого невозможно оторваться, иглы-клыки...

Я доплелся до дивана, упал на спину, заложил руки за голову. Вампирскую тематику я не любил, в равной степени оставался равнодушным к демонам и оборотням. Нет, безусловно, в этой обители неоязычества для меня существовали авторитеты вроде «Ван Хельсинга» или «Константина», однако в целом увлечение кровососами я считал уделом инфантильных подростков. Но вот поди ж ты, «Сумерки» вошли и в мою жизнь.

Заснуть толком не удалось. В какой-то момент я все-таки задремал, но почти сразу проснулся и, решив не оттягивать неизбежный подъем, прошлепал в ванную.

Из зеркала на меня уставилась слегка помятая, но вполне симпатичная, не обезображенная следами порока мордашка. Пил я в меру и только в хорошей компании, сигаретами не баловался, жирным, острым и сладким не злоупотреблял. Организм не оставался в долгу и за трепетное отношение платил здоровым цветом лица.

Конечно, без недостатков не обошлось. Глаза могли быть не безлико-серыми, а загадочно-зелеными или благородно-голубыми. Нос хоть и не походил на картошку, но и не отличался римской четкостью очертаний, а подбородок не был квадратным и не выпирал вперед, демонстрируя несгибаемый характер и недюжинную силу воли. Однако в целом своей внешностью я остался доволен.

Смахнув легкую щетину, я наскоро ополоснулся под душем, снял с вешалки чистую отглаженную загодя рубашку и прошелся щеткой по джинсам. Темные очки перекочевали с полки в нагрудный карман. Я подхватил борсетку и несколько раз глубоко вздохнул. Руки едва заметно дрожали. Я поймал себя на мысли, что не хочу выходить из дома. Не хочу идти по знакомой до последнего куста аллее к автостоянке. Потому что... Что?

Я решительно вышел в коридор и, будто отрезая себе дорогу к отступлению, поспешно закрыл стальную дверь на оба замка.

Я нарочно повторил свой обычный путь, хотя очень хотелось сделать крюк и обойти аллею стороной. Разумеется, никаких следов ночного кошмара не обнаружилось. Тихо шелестели березы, спешили на работу люди, разъезжались оставленные под окнами машины. Ни одного гопника, ни одной изголодавшейся вампирши. И все же смутное чувство тревоги

осталось. Даже под грузом доказательств нервная система отказывалась признавать нереальность сна.

До работы я добрался быстро. Как ни странно, залитый мутным желтым светом коридор подействовал успокаивающе. Я поздоровался с отдежурившим ночь сонным охранником. Узнал последние новости из мира спорта и содрогнулся от сурового предупреждения о грядущем отключении горячей воды.

Пройдя по асимметричному рисунку на линолеуме, я с облегчением опустился на свое рабочее место. Кинул в чашку растворимый кофе, плеснул кипятку, отхлебнул суррогатной бурды и пришел в себя окончательно.

Потыкавшись по форумам с полчаса, я обнаружил, что офис постепенно заполнился людьми и настало время утреннего чаепития – многолетней доброй традиции, нарушать которую начальство не смело даже во времена самых жутких запарок.

Похрустев печенюшками в компании менеджеров и прослушав свежие анекдоты, я направился к себе, но был пойман на выходе из столовой.

– Леша, ты когда оформишь заявление на отпуск? – Лера сурово смотрела на меня с высоты модельных метр восьмидесяти пяти, помноженных на каблучки.

– Ты же говорила, на следующей неделе сдать можно.

– Так, мозги мне не парь. – Лера пыталась говорить строго, чем вызвала приступ умиления: в строгих двадцатилетних девушек я не верил. – Сдать заявление нужно до завтра, и я талдычу об этом уже который день.

Я не придумал ничего лучше, кроме как с сомнением хмыкнуть.

– Ну пойдем, заполню.

Я последовал за девушкой, пытаюсь сообразить, откуда в моем воображении граничным сроком возникла следующая неделя. Впрочем, от вдумчивого вспоминания постоянно отвлекала Лерина походка – с месяц назад девушка окончила какие-то специальные курсы. Да и светло-голубые джинсы сидели идеально.

Подойдя к столу, Лера извлекла из ящика толстую папку, быстро выудила бланк и, на всякий случай, заполненный образец.

– Вот. Чтобы к обеду были. Иначе никакого отпуска до ноября. Понял?

– Понял... А это что за гадость? – кивнул я в сторону Лериного системника.

Лера перехватила взгляд и чуть покраснела.

– Ну только спохли что-нибудь! – предупредила она.

Бесконечные шутки сотрудников по поводу стоящего на полу блока, «не совместимого под столом с ногами», временами пересекали рамки дозволенного.

Пошлить я не собирался. Протиснулся в угол и смахнул с матового корпуса компьютера пыльный комок. Странный это был комок, будто сплетенный из волос клубок с непонятным синеватым отливом. Лера недоуменно следила за моими действиями.

– Ты чего?

– Да грязь какая-то.

– Какая грязь? – Лера посмотрела на меня с возмущением. – Это вы, айтишники, живете как свиньи в берлоге, а я пыль каждый день вытираю.

– А это тогда что? – Я попытался высмотреть сброшенный на пол комок, но он куда-то удачно закатился. Не помогло даже отодвигание системника.

Лера фыркнула. Кажется, мои манипуляции ее чем-то развеселили.

– Так. Кыш отсюда. И чтобы к обеду заявление было у меня на столе.

* * *

Следующие два часа пролетели бестолково. Сказывались и вчерашний стахановский труд, и дурацкий сон, и нелепая сцена с Лерой. Промаявшись до обеда, я спохватился и, дважды запутавшись в дате, заполнил выданный Лерой бланк.

– Уже? – Лера с нарочитым удивлением изогнула бровь и убрала бумагу в папку. – Решил начать новую жизнь?

– А? – рассеянно переспросил я, косясь на системный блок. Блок был чистеньким, ни пылинки. Если не считать лежащего как ни в чем не бывало волосяного комка.

– Я думала, ты, как обычно, до вечера протянешь.

Она немного подумала и добавила, подчеркивая всю глубину моей порочности:

– Завтрашнего.

Я уставился на Леру и что-то невыразительно промычал. Подошел к системному блоку вплотную.

– Это что такое?

Не глядя на блок, Лера брезгливо поморщилась.

– Что бы это ни было, выкинь эту гадость, – посоветовала она. – У меня не читался диск, и я Мишку позвала из техподдержки. Он пришел – пивом воняет, рыбой воняет, то ли с утра успел, то ли со вчерашнего. Натряс чешуи с волосами, пока в дивидишнике ковырялся... Час потом проветривала! Настоящий мужчина, блин. Могуч, вонюч... Да выкинь ты его!

– Угу. – Я согнулся над системником, подцепил комок и сделал вид, что бросаю его в урну. – От меня больше ничего не надо?

– Внимания если только. Ну, еще можно цветов, шампанского и конфет – большего от вас все равно не дождешься. – Лера снова уткнулась в монитор.

Вздыхнув, я сжал в кулаке заветный ком пыли, дотопал до своего места и, убедившись, что никто не смотрит, разжал ладонь. Комка не было. Ни грязного пятнышка, ни единого волоска. Впору вызывать психиатров. Или списать все на переутомление.

Я несколько раз глубоко вздохнул и торжественно пообещал себе взять недельный отпуск, если еще хоть раз что-то померещится. На том и успокоился, честно проработал до вечера, задержался на час, дожидаясь, пока отбудет начальство, и лишь затем поехал домой. Перед уходом заглянул в опустевшую – бухгалтерия уходила первой – комнату. Клочок пыли вызывающе лежал на Лерином системнике. Хуже того, я заметил паутинку с тем же странным синеватым отливом на мониторе старшего бухгалтера-чистюли, еще одну – на окне и третью – в углу комнаты.

Стараясь не дышать, я достал мобильник, прокрался на цыпочках в глубь комнаты и сделал несколько снимков. Не удержался и смахнул паутину с монитора. Синие нити послушно вспорхнули и неторопливо опустились на пол. Словом, ничем не выдали своего мистического происхождения.

Избежать вечерних пробок не удалось. Сшитая из разноцветных чешуек металлическая змея, то и дело замирая в раздумье, вяло ползла по широкому проспекту.

Очередной светофор, смилостивившись, моргнул зеленым, и в этот момент айфон исполнил тарантинковский мотив.

– Да? – Я поднес телефон к уху, поймав себя на мысли, что даже не взглянул на высветившийся номер.

– Добрый вечер, вы домой едете? – высоким женским голосом спросил айфон.

– Ага. – Я безуспешно попытался сообразить, с кем разговариваю.

– Хорошо, я подожду. – Связь прервалась.

Я недоуменно посмотрел на экран и обнаружил, что номер звонившего не определен. Час от часу не легче. Только таинственных незнакомок сейчас не хватало. Впрочем, учитывая обстоятельства, тут только одно из двух: либо меня вербует Анджелина Джоли, либо кто-то просто ошибся номером...

Автомобильный червь понемногу худел, теряя в весе, двигался все быстрее, пока наконец не развалился на десяток маленьких червячков, ширкнувших по разбегающимся от магистрали улочкам. Оставив машину на стоянке, я перекинулся парой слов со знакомым охранником. Узнал, что после первого тайма «Крылышки» ведут два—ноль и что во дворе прорвало трубу. Вспомнил утренний разговор с офисным стражем порядка и невольно улыбнулся. В отличие от нас, работников умственного труда, пролетариев интересовали сугубо вечные ценности – футбол и ЖКХ.

Впрочем, улыбался я недолго. Ровно до того момента, как осознал сказанное. Прорванная труба – куда серьезнее отключенной на работе горячей воды. Особенно если труба холодная, особенно если в такую жару...

Обогнув дом, я постоял перед бурлящим потоком. Судя по валившему пару, вода была горячая. Хоть с этим повезло.

Рукотворная переправа обнаружилась неподалеку и представляла собой пару кирпичей, уложенных в воду сознательными гражданами. Я тяжеломерно перепрыгнул с камня на камень, оступись, и джинсы до колен покрылись россыпью черных точек. Чертыхнувшись, я попытался смахнуть грязные капли. С лишним весом надо определенно что-то делать. И не откладывая в долгий ящик, а прямо со следующего понедельника!

Добравшись до подъезда, я рассеянно понаблюдал за гонявшими мяч мальчишками. Пошарил в кармане, выискивая ключи...

– Романов! Алексей Романов!

Я обернулся на голос. Со стороны стоянки ко мне спешил крепкий загорелый парень в новеньких синих джинсах и отглаженной рубашке с коротким рукавом. Через пышущий жаром ручей он перепрыгнул не в пример ловчее меня. Остановился напротив.

Мой ровесник, может, на пару лет старше. Невысокий, судя по играющим рельефным мышцам – завсегдатай качалки. Короткий блондинистый ершик, голубые глаза. Два шрама: тонкий на щеке, широкий и длинный от локтя до запястья. А еще странная аура непоколебимой уверенности. Причем уверенности не давящей, от обладателя которой хочется поскорее отойти, а наоборот, спокойной, благожелательной. Именно такие парни становятся стихийными лидерами, именно с такими ты готов пойти в разведку.

– Алексей, погоди. – Парень выудил из заднего кармана удостоверение сотрудника полиции. – Старший оперуполномоченный Ермаков. Можно просто Костя.

Он продемонстрировал корочки.

– Можно тебя на пару слов?

– Да, конечно. – Согласие вырвалось непроизвольно. – Что случилось?

– Не волнуйся, ничего страшного, просто хочу кое о чем спросить. Мы можем где-нибудь...

– Да, конечно, можем подняться ко мне. – Я ощущал почти физическую потребность ответить согласием на любую просьбу незнакомца.

Костя неожиданно засмеялся и хлопнул меня по плечу:

– А ты ничего!

Я неуклюже улыбнулся в ответ.

– Пошли! – бодро скомандовал опер. – Как говорится, раньше сядем, раньше выйдем...

Он вдруг осекся, несколько секунд смотрел в пустоту, а затем резко обернулся.

– Какого черта?!

* * *

Я проследил за его взглядом.

Во двор плавно, как в замедленной киносъёмке, въезжал черный, полностью затонированный «лексус».

«Девочка, девочка, гроб на колесиках ищет твою улицу», – всплыла в памяти строчка из детской страшилки. Только звучала она сейчас совсем не смешно. «Лексус» и впрямь походил на катафалк. Ни единого отблеска, ни единого светлого пятна. Безупречно чистые диски колес будто поглощали свет. Белая табличка с номером подернулась мутной серой дымкой. Я попытался разобрать цифры, и глаза немедленно заслезились, словно я посмотрел на солнце.

Джип двигался абсолютно бесшумно, остановился аккуратно напротив моего подъезда.

Костя напрягся.

– Ты, главное, не дергайся, – посоветовал он. – Ничего они не сделают. Я тебя первым нашел.

Он повернулся к машине боком, вытащил что-то из кармана. Вновь встал ровно, сложив руки за спиной.

Задние двери распахнулись, выпуская пассажиров.

Мужчина вполне сгодился бы на роль Росомахи. Ну или его главного врага – для образа героя его чертам не хватало благородства. Косматый, с длинными широкими баками и короткой курчавой бородой, он прекрасно подходил на роль человека-зверя. Впечатление усиливали ярко-зеленые глаза и диковатый взгляд, которым он одарил Костю. Ростом он был выше и выглядел крепче, однако опер не удостоил его особого внимания. Куда пристальнее он следил за вторым пассажиром. Точнее, пассажиркой.

«Есть женщины в русских селеньях» – учит нас поэт Некрасов. Эта женщина могла заткнуть за пояс любую селянку. Остановка коней, прогулки по горящим избам не выглядели для нее серьезным испытанием. Сказать по правде, я еще не встречал таких женщин. Разве что видел по телевизору, в финалах соревнований по штанге. Рослая, широкая, с руками и ногами, похожими на стволы молодых деревьев. При этом с удивительно милым, немного детским лицом, вздернутым курносый носиком, собранными в пучок волосами и светлыми веснушками. Одета она была в строгую униформу чоповца, даже бейджик висел на груди. Странный, надо сказать, бейджик с одиноким именем «Оля».

Девушка шмыгнула носом, уперла руки в бока и уставилась на Костю. Игра в гляделки длилась с полминуты, а потом отворились передние двери.

Водителем оказался высокий, согнутый знаком вопроса мужчина лет сорока. На вид торчок торчком, болезненного вида, с неровной, тронутой сединой щетиной. Нездоровая бледная кожа, тонкие, перевитые венами руки. Просторная серая рубашка висела мешком и только подчеркивала субтильное телосложение.

Его сосед выглядел представительнее. Пухлый, румяный, с широким пористым носом, в отглаженных по стрелкам брюках и с массивными золотыми часами на левой руке. Глядя на его суетливые движения и нервозность, с которой он ежесекундно поправлял очки, мне почему-то вспомнился Пьер Безухов.

В целом компания выглядела довольно нелепо и, за исключением Безухова, слабо сочеталась с «лексусом»-катафалком. Костю их появление, однако, не обрадовало. Судя по сосредоточенно-нахмуренным лицам неудовольствие было взаимным. А я все не мог понять, что имел в виду оперуполномоченный, когда советовал не дергаться.

– Дневной Дозор. Всем оставаться вне Сумрака, – торопливо выпалил Безухов.

– А то что? – насмешливо откликнулся Костя. – В угол меня поставишь, толсторожий?

Лицо Безухова пошло красными пятнами.

– Па-апрашу... Я попрошу вас проявить уважение!

– К тебе, что ли? Много чести будет.

Мне показалось, Костя немного расслабился. Словно бы пассажиры оказались не теми, кого он ожидал увидеть.

Безухов посмотрел на меня, и от этого взгляда по спине пробежал холодок. Вид у него оставался нервным, даже комичным, но смотреть ему в глаза отчего-то не хотелось.

– Вы кто такой? – требовательно спросил Безухов. – Что вы тут делаете?

– Живу я здесь, – буркнул я в ответ, и, видимо, сказал что-то не то, потому что на лице Безухова заиграла зловещая улыбка.

– Ах вот, значит, как. Живете, значит... Тогда вам придется проехать с нами.

– Это с какой радости? – Костя шагнул вперед, встав между нами.

– С такой, что мы его с ночи разыскиваем!

– Значит, плохо разыскиваете, – весело сказал Костя. – Вы опоздали, я нашел его первым. Так что он наш.

– Вы намерены нам препятствовать? – В голосе Безухова промелькнула растерянность. Кажется, такого ответа он не ждал.

– Да чего вам препятствовать. – Костя окинул наркомана и Росомаху презрительным взглядом. – Цирк на выезде. Валите, откуда приехали. Алексей, пойдём. Я тебе все объясню.

Безухов ошарашенно смотрел на оперуполномоченного.

– Э-эм... – промычал он, торопливо сунул руку за пазуху и выдрал из-под рубахи кулон в форме шестиконечной звезды. Поскакала по асфальту оторванная пуговица. – От имени Дневного Дозора заявляю...

Что именно он хотел заявить, я так и не узнал. Костя, все это время державший руки за спиной, разжал ладонь и швырнул в собеседника шарик для пинг-понга. Обыкновенный белый шарик, не долетевший до цели полметра и отскочивший от земли с цокающим звуком. А потом шарик лопнул.

* * *

Это походило на взрыв направленного действия: я почувствовал едва уловимое касание ветерка – и все. Пассажирам «лексуса» пришлось куда хуже.

Безухова подбросило вверх. Я думал, такое случается только в кино. Он взмыл на добрых два метра и плюхнулся толстым задом на тротуар. Росомаха полетел в другую сторону, смял жестяную урну и приземлился на газоне в компании окурков и бутылок из-под пива. Массивный «лексус», поддавшись корпоративному духу, тоже подпрыгнул на всех четырех колесах и впечатался в стоявших за ним девушку и торчка. Торчок даже дернуться не успел. Послышался сочный шлепок, и водитель скрылся под колесами взбунтовавшегося авто. А вот девушка среагировала мгновенно, абсолютно инстинктивно выставила перед собой руки. И многотонный джип будто налетел на железобетонный столб.

Штангистку качнуло. Она едва сумела удержать равновесие, но на этом неприятности для нее закончились. Машина встала поперек дороги, а девушка потеряла локоть и мрачно посмотрела на Костю.

– Взять! Держите! Не дайте уйти! – Безухов оказался на ногах быстрее неваляшки.левой рукой он отчаянно растирал копчик, правой сжимал звезду Давида. Недолгий полет навредил ему не больше, чем машина – штангистке. Да и остальные по странной прихоти судьбы не стали калеками. Торчок выбрался из-под машины и, широко растопырив руки, бросился на Костю.

Оперуполномоченный не растерялся, даром что был на голову ниже. Удачный нырок – и грабли торчка поймали воздух. Костя немедленно врезал водителю по печени, а затем нанес чудовищный по амплитуде апперкот. Раздался сухой неприятный щелчок, и торчок покатился по асфальту в направлении «лексуса». Штангистка нахмурилась и решительно направилась к Косте.

По глазам ударила невидимая вспышка. Света не было, но глаза вдруг заслезились, появилась болезненная резь, как при попытке разглядеть номер «лексуса». Захотелось отвернуться, а лучше убраться подальше. Если подумать, вполне естественное желание. Но я, напрягшись до зубовного скрежета, заставил себя смотреть сквозь застилающую глаза пелену. И тут же пожалел об этом.

Росомаха выбрался из кучи мусора, однако встать с четырех конечностей не спешил. По-собачьи тряхнул головой, прогнулся дугой. Ноги переломились, колени выгнулись назад. Одним движением он сорвал дешевую бежевую майку. Выскользнул из ставших широкими шортов. Заросшая курчавым волосом грудь сузилась, загорелая кожа пошла красными прыщами, которые на глазах лопались, выпуская на свет пучки длинных жестких волос. Морда – язык не поворачивался назвать это лицом – вытянулась, глаза из зеленых сделались желтыми. С начала превращения прошло секунд тридцать, и вот в куче тряпья уже стоял, отряхиваясь, здоровенный серый кобелина. Да что там кобелина – натуральный волк, только раза в полтора больше тех, что я видел в зоопарке.

Тем временем штангистка добралась до Кости. То ли он не решался бить женщин, то ли девушка, кроме штанги, занималась борьбой, но ей сразу удалось сграбастать Костю в отнюдь не дружественные объятия. Правда, обуздать оперуполномоченного оказалось сложнее, чем остановить летающий джип. Волк еще стряхивал с себя обрывки ткани, а Костя уже вывернулся, заломил девушке руку и толкнул в направлении поднявшегося торчка. Водитель, которому уже дважды полагалось лежать в глубоком нокауте, подхватил штангистку, не давая упасть. Та презрительно стряхнула его руку, обернулась и вдруг опустилась на колени. Издала глухой горловой звук.

Я так и не увидел, что она собиралась сделать. Глаза защищало сильнее. Я почти ослеп, попытался сморгнуть слезы, и мир начал проясняться. Он становился другим – размытым, бесцветным. Краски поблекли. Желтый песок, зеленая листва, синее небо – цвета стремительно превращались в градиенты серого. Меня начало знобить.

– Стоять! Я приказываю! – Безухов стиснул правой рукой звезду Давида и вытянул левую, словно пытаюсь схватить меня. С кончиков пальцев сорвались тонкие нити. Зависнув надо мной, переплелись в невесомую, похожую на паутину сеть. Сеть мягко опустилась на плечи, и меня словно припечтало бетонной плитой. Ноги подкосились, вздох застрял в груди. Казалось, кто-то щелкнул тумблером, увеличив земное притяжение раз этак в десять.

Мир окончательно стал серым. Волк, Костя, Безухов превратились в прозрачные бесформенные тени. Я сделал героическое усилие, пытаюсь сорвать паутину, но это оказалось не проще, чем перевернуть Землю. Порыв ледяного ветра ударил в спину, и я потерял сознание.

* * *

– Леша? Леш? Ты задремал, что ли? – Я поднял голову со сложенных рук и увидел стоящую рядом мать. Шею ломило. Правая рука онемела, на ней красовался сочный красный отпечаток. Другой, подозреваю, остался на лбу. Красный? Красный, не серый...

Я поморгал, растерянно глядя на мать, и попытался сообразить, где я. По всему выходило, что у нее дома. Стол, кремового цвета скатерть – мой подарок на Новый год, тарелка с борщом. Плавающие островки жира мягко намекали на то, что борщ необходимо есть сей-

час, пока он окончательно не остыл. Никаких вампиров, оборотней и причуд монохромного восприятия.

– Ты, если устал, поспи в комнате, – посоветовала мать, озабоченно разглядывая мою помятую физиономию. – Борщ я попозже подогрею.

– Мммм... – неопределенно промычал я в ответ, пытаюсь сообразить, что делать. – Ну, не знаю...

Спать не хотелось. Есть тоже. Какая тут еда, когда крыша уезжает на твоих собственных глазах. Неторопливо так уезжает, в полном соответствии с масскультурой эпохи. Раньше шизофреникам виделись зеленые человечки и сидящие в кустах агенты КГБ, теперь пришла пора оборотней и вампиров.

Должно быть, душевные терзания отразились на лице, потому что мать без разговоров взяла мою правую руку и деловито посчитала пульс. Пульс, разумеется, частил. После таких-то кошмаров.

По итогам обследования мне посоветовали выпить корвалол и полежать. В другое время я бы обязательно уперся, но сейчас подчинился безропотно. Надо было собраться с мыслями, а в горизонтальном положении думается легче.

Я лег на диван и с удивительной легкостью прокрутил в голове недавний сон. Единственное, что выдавало нереальность произошедшего, – «невидимый» номер «лексуса». Во сне так часто бывает: картинка яркая, а вот запомнить мелкие детали, цифры или незнакомые слова не удается.

Однако весь ужас был вовсе не в яркости сна. Я, как ни силился, не мог вспомнить подробности поездки к матери. Да и саму поездку. Ни одного воспоминания! Слово их вырезали, подменив дурацким сном про оборотней.

– Мам, ты не посмотрела, во сколько я приехал?

– У тебя часы на стене, – отозвалась мать с кухни.

Я мрачно глянул на часы. Восемь. С работы я уехал в полседьмого. Отстоял час в пробке, поэтому раньше полвосьмого домой приехать не мог. Так что, если верить сну, с Костей и оборотнями я встретился максимум полчаса назад. Не сходится. За полчаса от дома досюда добраться можно, но и только. Задремать не успеешь, и борщ не остынет.

Я вздохнул, сам не знаю, с разочарованием или облегчением. Все-таки сон – это просто сон. Хотя... Я улыбнулся в пространство. Есть неоспоримая улика – звонок таинственной незнакомки посреди пробки. Уж входящий-то вызов точно должен сохраниться.

Борсетка лежала на пузатом шкафчике в коридоре. Там, где я всегда ее оставляю. Никакой мистики. Я щелкнул пряжкой, вытащил айфон и вздрогнул. По спине побежали мурашки. Айфон выглядел так, будто вся испанская инквизиция под руководством лично Торквемады изгоняла из него бесов. Причем изгоняла неоднократно.

На корпусе не осталось живого места. Тачскрин почернел, покрылся тонкой сеткой трещин. Пластик вспух безобразной сыпью, задняя крышка превратилась в один большой лопнувший пузырь с оплавленными краями. От симки остался обугленный огрызок.

С минуту я тупо смотрел на остатки моего нового телефона, потом осторожно положил его на шкаф и занялся осмотром борсетки. Оказалось, досталось и ей. Кожа местами потемнела, одну из тряпичных перегородок будто искромсали ножом, пряжка лишилась позолоты, обнажив язвочки неблагородного металла. В общем, выкидывать еще рано, но показывать людям уже стыдно.

– Не спится? – раздался с кухни голос матери.

– Угу, – буркнул я, спешно запихивая остатки айфона в борсетку.

– Иди хоть борщ доешь, а то так и улетишь голодный.

Честно говоря, мне сейчас было не до борща. Но калейдоскоп чудес выбил меня из колеи настолько, что я подчинился. Дом, в котором прошло мое детство, создавал иллю-

зию если не защищенности, то по крайней мере покоя и порядка. Вот здесь полка для телефона, прикрученная мной в шестнадцать лет. Тут картина – волжский пейзаж начала двадцатого века с утлыми лодчонками рыбаков и вереницей сплавляемых по реке бревен. Дальше по коридору, у стены, холодильник «Орск» – тяжелое наследие советского режима. Как мы корячились, вытаскивая его в коридор! По прямому назначению он больше не используется, зато хранит в себе компоты и соленья. Спи спокойно, дорогой товарищ...

В порыве чувств я коснулся правого бока, на котором в шестилетнем возрасте выцарапал гвоздем «Фантомас жив». Смахнул пыль и вздрогнул, когда вместо мирного облачка на пол спорхнул небольшой плотный комок с синеватым отливом. Как на компьютере Леры...

– Ты чего застрял? – Мать выглянула в коридор.

– Иду...

Не сводя с комка глаз, я попятился на кухню. Упал на табурет и, не чувствуя вкуса, выхлебал тарелку повторно разогретого борща.

– Как дела на работе? Чем занимаешься? – умильно спросила мать, наблюдая за аппетитом сына.

– Да так... – Я заставил себя улыбнуться.

– Как Лера?

– Мама! – искренне возмутился я. – Ну что значит – как Лера? Отлично Лера! Зачем я вообще про нее рассказывал?!

Мать вздохнула.

– Дурачок ты все-таки, Леша.

– Ну сколько раз можно об этом говорить?! Ничего у нас нет и не будет. Мам, да она меня на полголовы выше!

– Вот я и говорю – дурачок, – грустно подытожила мать. – Салат огурцы-помидоры будешь?

– Не буду, – недовольно буркнул я, отнес тарелку в раковину и чмокнул мать в щеку. – Все, я поехал.

* * *

Последний раз я был у матери в прошлые выходные. С тех пор ее двор ничуть не изменился. Старые облезлые лавки, сломанные качели, выщербленный битый бордюр. Несмотря на многочисленные письма и собранные жильцами подписи, заботливая рука градоначальника до него пока не дотянулась. Но в ступор меня ввергло вовсе не это. Машины не было! Ни на корпоративной стоянке у дома напротив, ни у соседних подъездов, ни в закутке на выезде со двора.

В отчаянии я потыкал кнопку на пульте-брелоке, направляя его в разные стороны. Сигнализация молчала. Мне вдруг отчаянно захотелось присесть, и я опустился на ближайшую лавку. Что я должен думать, что делать? Отсутствие машины само по себе не пугало. В хорошую погоду я частенько ходил к матери пешком. Однако версия, что я приехал сюда с работы, разваливалась на глазах. Но если не с работы, то откуда? И если не приехал, то что? Прилетел?

На плечо легла рука. Я вздрогнул. Вскочил, оборачиваясь.

– Алексей, не бойтесь.

На вид девушке было лет двадцать. Пухлая, с нетронутой загаром кожей, с тяжелой золотой косой. Легкое летнее платье в голубой горошек, потертые сланцы, темные очки на пол-лица. Вся она была какая-то немного несуразная и несообразная, будто собранная из деталей разного конструктора. Коса из одного, платье из другого, очки из третьего. На мои прыжки она никак не отреагировала. Только опустила руку и улыбнулась.

– Алексей, вы только не убегайте, – попросила она. – Теперь все будет хорошо. Я отведу вас к хорошим людям, там вам все объяснят. – Ее голос казался смутно знакомым, а реплики явно входили в набор четвертого конструктора. Мне стало смешно.

– Простите, вас как зовут?

– Анна, – просто ответила она, и мне сразу расхотелось ерничать.

Девушка подошла ко мне, взяла за руку. Пальцы у нее были тонкие, горячие. Я уловил запах лаванды.

– Я понимаю, за последние дни вы очень много пережили. Но вам больше не нужно бояться, – сказала девушка тоном психолога, уговаривающего самоубийцу отойти от края крыши. Несмотря на немного нелепый вид, было в ней какое-то странное обаяние. Как у опера Кости.

– Что происходит? – выдавил я. – Эти сны...

Она приложила палец к моим губам.

– Позже. Обещаю, вам все объяснят. Сейчас вы должны делать в точности то, что я скажу. Вы даже не понимаете, насколько это важно. Сюда. – Она потянула меня за руку в прохладный полумрак подъезда. – Здесь ведь темно, да? Смотрите вниз. Ищите тень.

– Что искать?

– Тень. Вашу тень. Ту, которая на полу.

Запах лаванды стал сильнее. Я машинально подчинился, проигнорировав странный вопрос. Отказать этой девушке казалось кощунством.

– Главное, не волнуйтесь. Дышите ровнее. Постарайтесь расслабиться. Я проведу вас, вы только не мешайте. Смотрите на свою тень. Не обращайтесь внимания на пол. Для вас важна только тень. Представьте, что она становится темнее, что за ней ничего нет...

Как загипнотизированный я уставился на вытянутое пятно. Окон на первом этаже подъезда не было, только одинокая тусклая лампочка. В ее слабом свете тень почти терялась на сером бетонном полу.

– Все темнее и темнее. Абсолютно черная, – прошептала девушка. – Живой сгусток тьмы...

Я почувствовал неприятный холодок. Спина покрылась гусиной кожей. Но оторваться от темного пятна я уже не мог. Как не мог послушаться собранной из конструктора незнакомки.

Тень качнулась и будто бы на миг оторвалась от пола.

– Шагай! – крикнула девушка, дергая меня за руку. И я шагнул навстречу поднимающейся с пола тьме. Подул ветер. Прохладный осенний ветер, не вяжущийся с теплой августовской погодой. Единственная лампочка потухла, но подъезд отчего-то стал светлее. Это был странный серый свет, идущий ниоткуда и лишивший цвета покрашенные зеленой краской стены. Везде лежала та самая комковатая пыль с голубым отливом, что я видел на работе и у матери в квартире. На полу, на стенах, на потолке. Мимо проплыла одинокая паутинка, и почти тут же раздался ликующий возглас девушки:

– У вас получилось! – Она неожиданно притянула меня к себе и поцеловала в губы. Тут же отстранилась. – Ой, Леша, извините. Просто я так рада, что у вас все получилось. Это было очень, очень важно, чтобы у вас все получилось!

Девушка буквально светилась от счастья. Вид у нее был немного сумасшедший. Зато исчезла искусственность. Платье, сандалии, коса внешне не изменились, но выглядели теперь гармоничными. Лишними оставались только очки. Мне почему-то казалось, что девушка должна их непременно снять.

– Пойдемте. – Не дав опомниться, она снова потянула меня за руку, назад на улицу. – Видите? Это место называется Сумрак, это наш будущий дом. Вы можете заходить сюда, когда хотите. Удивительно, правда?